

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 15 № 1 (110) январь 2020

В НОМЕРЕ:

Калиниченко П. А.

Применение права ЕС российскими судами
в условиях избирательного взаимодействия
между Россией и ЕС

Егорова М. А., Кожевина О. В.

Место криптовалюты в системе
объектов гражданских прав

Ядрихинский С. А.

Принцип приоритета публичных интересов
в финансовой деятельности государства:
поиск компромисса

Содержание

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Верещагина А. В., Омеляненко М. Е.**
Институализация юстиции в нормах Русской Правды 11
- Аминов И. И.** Причины и результаты подчинения
среднеазиатских ханств Российской империей (1860—1890-е гг.) 24
- Елчиев М. Ф.** Тенденции развития деятельности прокурора по устранению
препятствий для рассмотрения и разрешения уголовных дел
по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. 36

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

- Зайнитдинов Н. А.** Указание национальности в паспорте гражданина
Российской Федерации как форма реализации права
на национальную принадлежность 46

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Яковлева И. А.** Мировое соглашение в административном споре:
проблемы теории и тенденции в правоприменительной практике 54

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

- Ядрихинский С. А.** Принцип приоритета публичных интересов
в финансовой деятельности государства: поиск компромисса 62

БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА И БАНКОВСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- Брит Н. Н.** Особенности и перспективы развития института платежных агентов 72

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

- Егорова М. А., Кожевина О. В.**
Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав 81
- Зыков С. В.** Расторжение брака:
взаимосвязь правового и социального аспектов 92

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

- Городнова О. Н., Макарушкова А. А.** Проблемы и перспективы
правового регулирования статуса лиц, содействующих
осуществлению правосудия, в гражданском процессе 103

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

- Филющенко Л. И.** Гарантии прав работников при нормировании труда 116

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Филатьев В. А.** Решение о заключении
под стражу как часть приговора: проблема детерминированности 124

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Молчанов Н. А., Матевосова Е. К.** Концептуально-политический и формально-юридический анализ Парижского призыва к доверию и безопасности в киберпространстве и российские инициативы в области международного права 133

ИНТЕГРАЦИОННОЕ ПРАВО

- Калиниченко П. А.** Применение права ЕС российскими судами в условиях избирательного взаимодействия между Россией и ЕС 142

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- Жукова С. С.** Групповое совершение преступления по англосаксонскому уголовному праву: особенности законодательной регламентации 151

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Елькина А. В., Тювин А. А.** Правовое обеспечение организации работы прокуратуры закрытого административно-территориального образования 161
- Головко И. И.** Особенности субъектного состава гражданских и арбитражных процессуальных правоотношений с участием прокурора 168

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

- Доценко А. С.** О понятии правового просвещения 179

Решение о заключении под стражу как часть приговора: проблема детерминированности

Аннотация. В статье анализируются положения уголовно-процессуального закона, определяющие основания и порядок применения мер пресечения при постановлении приговора. Предпринимается попытка выявления их конституционно-правового смысла. По мнению автора, избрание в отношении подсудимого заключения под стражу на единственном основании необходимости исполнения приговора с назначением наказания в виде реального лишения свободы недопустимо. Доктринальные представления теории процессуальных решений позволяют сделать вывод о том, что решение о мере пресечения не может приниматься одновременно с приговором и не должно являться его неотъемлемой частью. В условиях действующего правового регулирования от высказывания позиции по вопросу о мере пресечения, в случае если позиция подсудимого направлена на оправдание, сторона защиты в судебных прениях и последнем слове вынуждена отказываться. Невозможность безотлагательного обжалования сформулированного в приговоре решения о заключении под стражу делает бессмысленным его обжалование стороной защиты в принципе. Неопределенность порядка направления к месту отбывания наказания лиц, осужденных к реальному лишению свободы не в колонии-поселении, в отношении которых судом не было избрано заключение под стражу, обнаруживает пробел в законе. Автор утверждает, что эти и иные перечисленные в статье дефекты правового регулирования способствуют существованию в правоприменительной практике обвинительного уклона, поскольку предопределяют избрание в отношении подсудимого заключения под стражу, и должны быть устранены. Вопрос о мере пресечения подлежит рассмотрению непосредственно после провозглашения приговора в отдельном судебном заседании по ходатайству стороны обвинения или по инициативе суда.

Ключевые слова: право на свободу; право на защиту; презумпция невиновности; уголовный процесс; суд; приговор; заключение под стражу; решение о мере пресечения; арест при постановлении приговора; безотлагательное обжалование; подсудимый; осужденный.

Для цитирования: Филатьев В. А. Решение о заключении под стражу как часть приговора: проблема детерминированности // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 1. — С. 124—132. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.124-132.

© Филатьев В. А., 2020

* Филатьев Владислав Александрович, аспирант Российского государственного университета правосудия, адвокат
Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418
mail@advokat39.ru

Remand in Custody as Part of a Sentence: Problem of Determination

Vladislav A. Filatyev, Postgraduate at the Russian State University of Justice, Lawyer
ul. Novocheremushkinskaya, d. 69, Moscow, Russia, 117418
mail@advokat39.ru

Abstract. The paper analyzes the provisions of the criminal procedure law determining the grounds and procedures for the application of preventive measures when deciding a sentence. The paper attempts to identify their constitutional and legal meaning. According to the author, the remand of a defendant in custody on the sole basis of the need to execute a real imprisonment sentence is unacceptable. Doctrinal representations of the theory of procedural decisions allow us to conclude that the decision on the measure of restraint cannot be taken simultaneously with the sentence and should not be an integral part of it. Under the current legal regulation, the defense is forced to refuse to express the position on the measure of restraint in the pleadings and the last plea if the position of the defendant is aimed at acquittal. The impossibility for the defense to make an immediate appeal on the formulated in the sentence decision on detention makes the appeal meaningless in general. Uncertainty of the procedure for sending persons sentenced to real imprisonment in all penal institutions but colony-settlements to the place of serving their sentence, for whom the court did not choose detention, reveals a gap in the law. The author claims that these and other defects in the legal regulation listed in the paper contribute to the existence of an accusatory bias in law enforcement practice, since they predetermine the detention decision and must be eliminated. Measures of restraint must be considered immediately after the verdict is sounded in a separate court session at the request of the prosecution or at the initiative of the court.

Keywords: right to liberty; right to defense; presumption of innocence; criminal procedure; trial; sentence; detention; decision on the measure of restraint; sentence arrest; immediate appeal; defendant; convicted.

Cite as: Filatyev VA. Reshenie o zaklyuchenii pod strazhu kak chast prigovora: problema determinirovannosti [Remand in custody as part of a sentence: problem of determination]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(1):124-132. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.124-132.

Одновременно с постановлением обвинительного приговора и назначением наказания в виде реального лишения свободы суд, как правило, заключает подсудимого под стражу до вступления этого приговора в законную силу, в случае если подсудимый ранее, до момента его провозглашения, находился на свободе.

Такая практика сложилась в Российской Федерации с советских времен¹, и ее справедливость до недавнего времени не вызывала возмущения общественности. Однако в начале 2018 г. Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества

и правам человека (СПЧ) впервые публично высказал свою озабоченность сложившимся положением². По результатам обсуждения, поводом для которого послужило резонансное уголовное дело в отношении врача-гематолога Елены Мисюриной, взятой под стражу в зале суда по приговору Черемушкинского районного суда г. Москвы, СПЧ сформулировал свои предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в части, касающейся меры пресечения в виде заключения под стражу до вступления приговора в законную силу³. В обращениях, направленных в Вер-

¹ Пресечение без меры // Коммерсантъ. 25.12.2018. № 238. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3842235> (дата обращения: 30.04.2019).

² Глава СПЧ считает нужным пересмотреть практику ареста в зале суда // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20180205/1514024949.html> (дата обращения: 30.04.2019).

³ Предложения Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека по вопросам изменения меры пресечения подсудимому // URL: <http://president-sovet.ru/documents/read/592/#doc-1> (дата обращения: 30.04.2019).

ховный Суд РФ, Генеральную прокуратуру РФ и другие государственные органы, отмечалось, что изменение меры пресечения, избранной на досудебной стадии, на более строгую в целях обеспечения не вступившего в силу приговора до принятия решения по делу судом апелляционной инстанции противоречит положениям и общим принципам уголовно-процессуального законодательства.

Но инициатива правозащитников не была поддержана: силовые структуры представили на нее отрицательные отзывы, а Верховный Суд РФ указал⁴, что предложение о целесообразности корректировки существующей практики будет принято во внимание в ходе дальнейшей работы. Основным аргументом против поступившего предложения послужили ранее неоднократно высказанные Конституционным Судом РФ правовые позиции о том, что в целях обеспечения исполнения наказания, назначенного по не вступившему в законную силу и не обращенному к исполнению приговору, суд одновременно с постановлением этого приговора вправе избрать или изменить меру пресечения соответственно назначенному наказанию⁵. При этом, как считают правоприменители, новыми обстоятельствами для избрания заключения под стражу как раз и могут служить не только признание лица виновным в совершении инкриминируемого преступления, но и назначение ему наказания в виде длительного срока лишения свободы, что, в свою очередь, может повлечь его уклонение от отбывания такого наказания.

С такими аргументами трудно поспорить, но предпринять попытку необходимо. Иначе следовало бы признать невозможность разрешения проблемы предопределенности заключения под стражу подсудимого при постановлении приговора, существующей объективно, юридическими средствами.

Как неоднократно разъяснял Конституционный Суд РФ, нормативные основания и условия избрания или продления меры пресечения являются едиными для всего уголовного судопроизводства. При этом УПК РФ определяет в качестве общих правил, что решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу принимается в ходе судебного заседания, проводимого с участием подозреваемого или обвиняемого, его защитника (ст. 108), данная или иная мера пресечения может быть отменена, когда в ней отпадает необходимость, или изменена, когда изменяются основания для ее избрания, предусмотренные ст. 97 и 99 данного Кодекса (ст. 110)⁶.

В силу п. 3 ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо в срочном порядке доставляется к судье или к другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение. Содержание под стражей лиц, ожидающих судебного разбирательства, не должно быть общим правилом, но освобождение может ставиться в зависимость от представления гарантий явки на суд, явки на судебное разбирательство в любой другой его стадии и, в случае необходимости, явки для исполнения приговора.

Перечисленные положения, являющиеся в силу ч. 4 ст. 15 и ч. 1 ст. 17 Конституции РФ составной частью российской правовой системы и имеющие приоритет перед внутренним законодательством, закрепляют в качестве гарантии права каждого на свободу и личную неприкосновенность положение, согласно которому каждый имеет право на освобождение не только в стадии рассмотрения дела судом

⁴ Ответы и отзывы правоохранительных органов и Верховного Суда РФ на предложения Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека // URL: <http://president-sovet.ru/documents/read/592/#doc-2> (дата обращения: 30.04.2019).

⁵ Например: определение КС РФ от 18.07.2017 № 1541-О // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision290260.pdf> (дата обращения: 30.04.2019).

⁶ Определение КС РФ от 29.05.2018 № 1391-О // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision338703.pdf> (дата обращения: 30.04.2019).

первой инстанции, но и в любой другой его стадии, которое может ставиться в зависимость от предоставления гарантий явки.

Следовательно, решение об избрании заключения под стражу всегда должно быть мотивировано судом, притом что его принятие не является обязательным.

Из этих соображений исходит и Пленум Верховного Суда РФ, который в постановлении от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога»⁷ обращал внимание судов на то, что при вынесении обвинительного приговора суду первой инстанции в соответствии с п. 10 ч. 1 ст. 308 УПК РФ надлежит указать меру пресечения до вступления приговора в законную силу; это решение должно быть мотивировано в приговоре (п. 57).

Здравый смысл подсказывает, что осуждение подсудимого судом первой инстанции к реальному лишению свободы способно привести к возникновению риска уклонения от исполнения наказания. Учитывая высокую вероятность того, что приговор вступит в законную силу и наказание придется отбывать, этот риск при определенных обстоятельствах может признаваться существенным, особенно в тех случаях, когда подсудимому назначено наказание в виде длительного срока лишения свободы.

Таким образом, утверждать, что наличие у суда права заключить подсудимого под стражу в связи с постановлением обвинительного приговора само по себе нарушает принципы уголовного процесса, было бы неверно.

Однако это не значит, что правоприменительная практика по рассматриваемой проблеме отвечает конституционным предписаниям и соответствует международным стандартам правосудия.

Существование обвинительного уклона в деятельности суда по рассматриваемому вопросу общеизвестно: число подсудимых, которые не были взяты под стражу при постановлении им приговора с назначением лишения свободы, в сравнении с количеством тех, кто был заклю-

чен под стражу, ничтожно мало. Если признать существование данной проблемы, дальнейшее выявление предпосылок не составляет особого труда.

На микроуровне правового регулирования детерминированность подобных судебных решений, на наш взгляд, определяется целым комплексом взаимосвязанных нормативных положений.

Прежде всего это положения ч. 2 ст. 97, п. 17 ч. 1 ст. 299, п. 10 и 11 ч. 1 ст. 308 УПК РФ, ст. 75, 75.1 и 76 УИК РФ, которые по смыслу, придаваемому им в правоприменительной практике, в случае назначения судом при постановлении обвинительного приговора наказания в виде реального лишения свободы не в колонии-поселении допускают возможность одновременного избрания в отношении подсудимого заключения под стражу в качестве меры пресечения без необходимости установления и учета риска уклонения от отбывания наказания и, по сути, на одном только основании необходимости исполнения приговора. Тем самым перечисленные нормы позволяют суду не излагать в приговоре мотивы принятого судом при постановлении приговора решения о заключении под стражу, поскольку его минимально необходимая и достаточная мотивированность определяется самим фактом осуждения подсудимого к наказанию в виде реального лишения свободы не в колонии-поселении.

Далее следует отметить положения п. 17 ч. 1 ст. 299, п. 10 ч. 1 ст. 308 и ч. 4 ст. 313 УПК РФ. Предписывая суду при постановлении приговора решить вопрос о мере пресечения одновременно с вопросами о виновности и назначении наказания и не определяя при этом возможность решения вопроса о мере пресечения в отдельном судебном заседании после провозглашения приговора, эти нормы исключают необходимость опровержения судом доводов против принятия при постановлении приговора решения об избрании в отношении подсудимого, позиция которого в ходе судебного разбирательства была направлена на оправдание, заключения под стражу в качестве меры пресечения, вынужденно не вы-

⁷ Бюллетень ВС РФ. 2014. № 2.

сказанных стороной защиты в судебных прениях и последнем слове, с тем чтобы не ставить под необоснованные сомнения позицию стороны защиты по существу предъявленного обвинения.

Учитывая принцип процессуальной экономии, и те и другие нормативные положения искусственно способствуют принятию судом решения об избрании заключения под стражу, поскольку не предполагают необходимости затрачивать время и интеллектуальные ресурсы для того, чтобы аргументировать свои выводы, облегчая суду выполнение основной стоящей перед ним задачи, заключающейся в необходимости разрешения уголовного дела по существу в разумные сроки.

Аналогичным свойством обладают и положения ч. 11 ст. 108, ст. 255, ч. 2 и 3 ст. 389.2, ст. 389.3 и 389.4 УПК РФ, предусматривающие, что самостоятельному обжалованию и в сокращенный срок подачи и рассмотрения жалобы на судебное решение, связанное с избранием меры пресечения в виде заключения под стражу, подлежит лишь до вынесения приговора. В случае назначения судом при постановлении обвинительного приговора наказания в виде реального лишения свободы не в колонии-поселении и одновременного избрания в отношении подсудимого соответствующего такому наказанию заключения под стражу в качестве меры пресечения названные положения лишают подсудимого возможности безотлагательно обжалования этого решения.

Таким образом, для стороны защиты становится бессмысленным апелляционное обжалование приговора в данной части и, учитывая возникновение презумпции его обоснованности (поскольку в судебной практике необходимость исполнения приговора рассматривается в качестве самостоятельного основания избрания меры пресечения), сводится на нет вероятность применения не связанной с содержанием под стражей меры пресечения в отношении подсудимого после постановления приговора по мотивам необоснованности его заключения под стражу, что приводит к отсутствию контроля за принятием судом решений по вопросу о мере пресечения при постановлении приговора со стороны вышестоящего суда. Это, в свою оче-

редь, очевидно способствует избранию в отношении подсудимого заключения под стражу.

И наконец, одним из важных факторов, который, как представляется, побуждает суд заключить подсудимого под стражу, являются положения ч. 2 ст. 393 УПК РФ, ст. 75, 75.1 и 76 УИК РФ.

Данные нормативные положения устанавливают в качестве правила направление осужденных к лишению свободы к месту отбывания наказания, которое производится администрацией следственного изолятора после получения извещения о вступлении приговора в законную силу, и их перемещение из одного места отбывания наказания в другое под конвоем, за исключением следующих в колонию-поселение самостоятельно в соответствии с ч. 1 и 2 ст. 75.1 УИК РФ на основании предписания, выданного территориальным органом уголовно-исполнительной системы после получения копии приговора. Определяя в качестве единственного исключения из данного правила особый порядок направления осужденных в колонию-поселение, связанный с тем, что осужденный следует в колонию-поселение за счет государства самостоятельно, конкретизируя при этом, что по решению суда осужденный может быть заключен под стражу и направлен в колонию-поселение под конвоем в порядке, предусмотренном ст. 75 и 76 данного Кодекса, названные нормы не предусматривают возможности направления осужденного к лишению свободы в иных видах исправительных учреждений к месту отбывания наказания и его самостоятельного перемещения без конвоя, равно как и направления такого осужденного к месту отбывания наказания не администрацией следственного изолятора, в случае если он не содержится под стражей.

Между тем в силу ч. 2 ст. 393 УПК РФ во взаимосвязи с ч. 1 ст. 75 и ч. 1 ст. 75.1 УИК РФ суду, рассмотревшему уголовное дело в первой инстанции, предписывается обратиться приговор к исполнению путем направления копии обвинительного приговора в то учреждение или в тот орган, на которые возложено исполнение наказания, то есть в территориальный орган исполнительной системы в отношении осужденных к лишению свободы в колонии-поселении, не содержащихся под стражей, либо в админи-

страцию следственного изолятора в отношении остальных осужденных.

Таким образом, порождается неопределенность в вопросах о том, на какое учреждение или орган возложено исполнение наказания в отношении не заключенного под стражу осужденного к лишению свободы не в колонии-поселении, в чей адрес надлежит суду в целях обращения приговора к исполнению направить копию обвинительного приговора и на кого возложена обязанность задержать, заключить под стражу и обеспечить направление такого осужденного к месту отбывания наказания под конвоем. В результате в целях недопущения возникновения случаев, способных воспрепятствовать по указанным причинам своевременному обращению постановленного приговора к исполнению после его вступления в законную силу, суд побуждается к тому, чтобы избрать в отношении подсудимого, осужденного к реальному лишению свободы не в колонии-поселении, одновременно с постановлением приговора именно заключение под стражу.

На макроуровне правового регулирования, охватываемого принципами уголовного процесса и институтами уголовно-процессуального права, проблему детерминированности заключения подсудимого под стражу можно определить следующими соображениями.

Согласно ч. 2 ст. 47 УПК РФ обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, именуется осужденным. Определяя понятие осужденного как обвиняемого, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, но при этом не уточняя, вступил постановленный приговор в законную силу или нет, то есть объединяя в одном понятии разных участников уголовного судопроизводства со стороны защиты и размывая имеющиеся между ними принципиальные различия, указанное нормативное положение вызывает предвзятое отношение к именуемому в самом законе «осужденным» обвиняемому, в отношении которого постановлен, но еще не вступил в законную силу обвинительный приговор, и пренебрежительное отношение к принципу презумпции невиновности, согласно которому обвиняемый считается невиновным, пока его

виновность в совершении преступления не будет установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Нельзя не отметить, что как в статьях, регулирующих апелляционный, так и в статьях, определяющих кассационный порядок рассмотрения уголовных дел, термин «осужденный» законодателем используется без каких-либо дополнительных пояснений.

Таким образом, закон изначально ориентирует правоприменителей на то, что вступление приговора в законную силу является вопросом времени, и тем самым искусственно побуждает суд при постановлении обвинительного приговора с назначением наказания в виде реального лишения свободы одновременно избрать в отношении подсудимого заключение под стражу.

Самым же главным на макроуровне фактором, определяющим наступление подобных последствий, являются взаимосвязанные положения п. 4, 5, 7 и 17 ч. 1 ст. 299, п. 1, 4 и 5 ст. 307, п. 2, 4, 5 и 10 ч. 1 ст. 308 УПК РФ, предусматривающие, что решения по вопросам о виновности в совершении преступления, о назначении наказания и мере пресечения в отношении подсудимого принимаются судом после удаления в совещательную комнату для постановления приговора одновременно, и предполагающие, что решение о мере пресечения является частью приговора.

В науке уголовно-процессуального права институт мер пресечения считается автономным и представляет собой совокупность нормативных положений, определяющих основания и условия, а также порядок применения в отношении подозреваемого и обвиняемого превентивных мер воздействия, имеющих своей целью обеспечение надлежащего поведения указанных лиц и нормального хода уголовного судопроизводства. Вопросы разрешения уголовного дела по существу к данному правовому институту не относятся.

При этом юридическая наука не дает однозначного ответа на вопрос о том, может ли решение о мере пресечения, принимаемое судом при постановлении приговора, являться его неотъемлемой частью или же оно во всех случаях должно представлять собой отдельное от приговора решение.

Как считает доктор юридических наук, профессор Л. В. Головкин, при осуществлении контроля за применением мер пресечения «судья категорически не должен входить в обсуждение дела по существу, иначе мы получим судебное разбирательство»⁸.

С приведенной правовой позицией необходимо согласиться по следующим причинам.

Принятие решения — это реализация сформулированных в законе правил поведения через сознательно-волевые поступки. Объективным фактором в механизме принятия решения являются, в частности, правовые принципы, которые имеют самостоятельное регулирующее значение. По мнению С. С. Алексеева, «будучи своего рода ступенью правовой материи, они как бы направляют функционирование права, определяют линию судебной и иной юридической практики»⁹.

Одним из основных таких принципов является имеющий важнейшее значение конституционный принцип презумпции невиновности. Осознание и стремление к достижению назначения уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6 УПК РФ и охватывающего названный правовой принцип, определенным образом влияют на судей при принятии ими решений, направляя их к достижению этой цели.

Как полагал М. С. Строгович, «презумпция невиновности обвиняемого не исходит из соображений о большей или меньшей вероятности виновности обвиняемого вообще или данного обвиняемого в отдельности. Вообще, количественные критерии для понимания и применения презумпции невиновности не подходят. Презумпция невиновности есть именно презумпция, то есть предположение: не высказывание о вероятности чего-либо, а положение, утверждение, принимаемое как истинное до его исследования и подтверждения, установления его достоверности или опровержения. Обвиняемый считается невиновным до того, как вопрос

о его виновности будет исследован и разрешен судом. И это положение сохраняется в стадиях апелляции и кассации, пока не будет доказано обратное, пока виновность обвиняемого не будет установлена вступившим в законную силу приговором суда»¹⁰.

П. А. Лупинская указывала, что «признание приговора незаконным и необоснованным зачастую объясняется тем, что путь к этому решению “не был истинным”, так как промежуточные решения по ходу расследования и разбирательства дела в суде (например, о мере пресечения, об отказе в ходатайствах стороне защиты) принимались вопреки презумпции невиновности, с предвзятым отношением к подозреваемому, обвиняемому»¹¹.

Под приговором понимается решение о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания. Если при постановлении приговора суд придет к выводу о том, что подсудимый виновен, это значит, что его презумпция невиновности на данном этапе судопроизводства опровергнута и для суда принцип фактически перестал действовать. Решение же о мере пресечения, принимаемое вместе с приговором, напротив, предполагает необходимость исходить при его принятии прежде всего из принципа презумпции невиновности.

Однако, вопреки доктринальным представлениям, выработанным в теории процессуальных решений, при постановлении обвинительного приговора перед судом ставится содержащая внутреннюю противоречивость задача, предполагающая необходимость одномоментного достижения в одном решении взаимоисключающих целей.

Следовательно, решение о мере пресечения не может являться частью приговора.

Между тем в силу действующего правового регулирования решение о принимаемой при

⁸ Головкин Л. В. Карманные адвокаты — это издержки прогресса и результат законодательных подходов (интервью) // Уголовный процесс. 2019. № 2. С. 39.

⁹ Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975. С. 90.

¹⁰ Строгович М. С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. М., 1984. С. 78.

¹¹ Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, Инфра-М, 2010. С. 66.

постановлении приговора мере пресечения становится его неотъемлемой частью, образуя с ним неразрывную связь. Аналогичной позиции придерживается и Конституционный Суд РФ, который в своих решениях неоднократно подчеркивал образование взаимосвязи вопросов законности, обоснованности и справедливости приговора, а также законности и обоснованности принятого при его постановлении решения о мере пресечения, что не позволяет самостоятельно обжаловать это решение как часть приговора отдельно от него¹².

Иначе говоря, перечисленные законоположения нарушают принцип автономности института мер пресечения в уголовно-процессуальном праве, заключающийся, в частности, в наличии у любой подлежащей судебному контролю меры пресечения фундаментального свойства — отдельности рассмотрения вопроса о ней от разрешения вопросов по существу уголовного дела, поскольку возлагают на суд обязанность принять единое процессуальное решение как по вопросу о виновности подсудимого, положительный ответ на который может быть дан судом лишь при условии опровержения презумпции его невиновности, и вопросу о назначении наказания, так и по вопросу о мере пресечения, при разрешении которого тому же суду и в тот же самый момент необходимо руководствоваться соображениями сохранения действия презумпции невиновности подсудимого до вступления в его отношении обвинительного приговора в законную силу.

«Обоснованность судебного решения, — утверждает П. А. Лупинская, — определяется соответствием его выводов установленным по делу фактическим обстоятельствам. Она должна находить свое внешнее выражение в мотивировочной части решения, в которой суд приводит свои суждения, свое убеждение по поводу доказанности (недоказанности) каких-либо обстоятельств дела и в связи с этим объясняет свое убеждение в достоверности или недостоверно-

сти доказательств, их достаточности для определенного вывода по делу»¹³. Мотивировка решения является внешним выражением внутреннего убеждения судей, обоснованности их решений. Требование мотивировать приговор обязывает судей объяснить ход и результат своих рассуждений, путь преодоления своих сомнений.

Отсюда вытекает вывод: суд, приговор которого должен отвечать требованиям обоснованности, то есть быть принятым при том условии, что все его составные части между собой логически согласуются и находятся во взаимосвязи, искусственно побуждается к принятию решения об избрании в отношении подсудимого заключения под стражу в случае его осуждения к реальному лишению свободы не в колонии-поселении, с тем чтобы не породить сомнений в правильности изложенных в приговоре выводов по существу уголовного дела, а равно сомнений в убежденности самого суда, постановившего приговор, в правильности принятых им решений по вопросам виновности и назначения подсудимому наказания.

Все перечисленные нормативные положения, действуя в системном единстве в вышеизложенных аспектах, в отдельности, искусственно побуждая суд не принимать при постановлении приговора по вопросу о мере пресечения иное, помимо избрания заключения под стражу, решение в случае осуждения подсудимого к реальному лишению свободы не в колонии-поселении или способствуя принятию судом такого решения, — вследствие вызываемого кумулятивного эффекта в совокупности представляют собой серьезный дефект в уголовно-процессуальном регулировании. Оказывая существенное и откровенно произвольное по характеру воздействие на формирование у суда воли на принятие решения по вопросу меры пресечения не в пользу подсудимого, указанный дефект в правоприменительной практике предопределяет одновременное с постановлением обвинительного приговора принятие судом решения об

¹² Определение КС РФ от 27.03.2018 № 862-О // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision329155.pdf> ; определение КС РФ от 26.11.2018 № 2869-О // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision373883.pdf> (дата обращения: 30.04.2019).

¹³ Лупинская П. А. Судебные решения: содержание и форма // Российская юстиция. 2001. № 11. С. 58.

избрании в отношении подсудимого заключения под стражу. При этом нельзя не учитывать, что никаких компенсирующих, сдерживающих формирование у суда негативной по отношению к подсудимому мотивации факторов, помимо одной только презумпции невиновности, носящей в данном случае декларативный характер, учитывая стадию движения дела и предполагаемое отсутствие у суда сомнений по поводу правосудности постановленного им самим приговора, в законе не предусмотрено.

Другими словами, указанный дефект правового регулирования прямо обуславливает возникновение и способствует существованию обвинительного уклона в деятельности суда при принятии одновременно с постановлением обвинительного приговора решения о заключении подсудимого под стражу.

В целях исключения из действующего правового регулирования нормативных предписаний, определяющих обвинительный уклон, потребуется внесение в законодательство соответствующих изменений.

Автономность института мер пресечения от разрешения судом уголовного дела по существу и возможность эффективной реализации права подсудимого участвовать в рассмотрении судом вопроса об избрании заключения под стражу при постановлении приговора в случае корректировки действующего правового регулирования, на наш взгляд, могут и должны быть обеспе-

чены непосредственно после провозглашения обвинительного приговора, которым подсудимый осужден к реальному лишению свободы, в отдельном судебном заседании по инициативе суда или по ходатайству стороны обвинения в порядке, предусмотренном ст. 108 УПК РФ.

Законодателю необходимо уточнить понятие осужденного, исключив из него обвиняемого, в отношении которого обвинительный приговор не вступил в законную силу, а также недвусмысленно запретить правоприменителям использовать факт постановления приговора в качестве единственного и достаточного основания для избрания соответствующей наказанию меры пресечения.

Кроме того, ему надлежит определить порядок обращения к исполнению приговора в отношении осужденных к лишению свободы не в колонии-поселении, к которым не применялось заключение под стражу в качестве меры пресечения, а также порядок направления этих лиц к месту отбывания наказания.

Важность предлагаемых изменений правового регулирования заключается не только в необходимости обеспечения гарантий соблюдения конституционных прав граждан на свободу и судебную защиту. Особое значение этих изменений в том, чтобы обеспечить уважение принципов презумпции невиновности и справедливости, а также соблюдение гарантий объективного, независимого и беспристрастного правосудия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. С. Структура советского права. — М., 1975. — 264 с.
2. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, Инфра-М, 2010. — 240 с.
3. Лупинская П. А. Судебные решения: содержание и форма // Российская юстиция. — 2001. — № 11. — С. 57—59.
4. Строгович М. С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. — М., 1984. — 143 с.

Материал поступил в редакцию 18 апреля 2019 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev S. S. Struktura sovetskogo prava. — M., 1975. — 264 s.
2. Lupinskaya P. A. Resheniya v ugovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika. — 2-e izd., pererab. i dop. — M. : Norma, Infra-M, 2010. — 240 s.
3. Lupinskaya P. A. Sudebnye resheniya: sodержanie i forma // Rossijskaya yusticiya. — 2001. — № 11. — S. 57—59.
4. Strogovich M. S. Pravo obvinyaemogo na zashchitu i prezumpciya nevinovnosti. — M., 1984. — 143 s.